

также обладают качествами общепризнанности. Представляется возможным, используя данную методику, выявить и перечислить по возможности полно и последовательно общепризнанные принципы и нормы международного права.

Те же классификационные критерии приемлемы и для группировки уголовно-правовых норм, что дает возможность создать программу для будущего исследования роли конкретных общепризнанных принципов и норм международного права в сопоставлении с конкретными уголовно-правовыми институтами и нормами.

Ю.Ю. Левченко

МЕЖСИСТЕМНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ КАК ОБЛАСТЬ ПРАВОВЫХ ЗНАНИЙ

Интеграционные процессы в экономике, универсализация транспортных и информационных связей, необходимость преодоления общих угроз и обеспечения общечеловеческих ценностей требуют согласованных усилий государств как основных участников международного общения. Интернационализация жизни требует интернационализации правового регулирования, что предполагает, в том числе сближение международного и внутригосударственного права. Международное и внутригосударственное право «все больше нуждаются друг в друге во имя эффективного выполнения своих функций»¹. «Международное право сегодня нацелено в основном на внутренние правовые режимы»².

Такой дополнительной адресации международных норм способствует повсеместное закрепление в национальном праве положений, признающих значимость международного права для внутригосударственного регулирования. В

¹ Лукашук И.И. Конституция России и международное право. Общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры в практике конституционного правосудия: Материалы Всероссийского совещания. М.: Международные отношения, 2004. С. 43.

² Шумилов В.М. Международное право: Учебник. М.: ТК Велби, 2007. С. 167.

РФ такими нормами являются ч. 4 ст. 15 Конституции и принятые в соответствии с ней статьи отраслевого законодательства.

При этом процесс сближения национальных и международной правовых систем носит отнюдь не линейно-поступательный характер. Это сближение – проявление единства двух противоположностей. Несмотря на нарастающую взаимозависимость участников международного общения, интересы отдельного государства или группы государств в большей или меньшей степени не совпадают или время от времени перестают совпадать с интересами как друг друга, так и международного сообщества в целом. При этом внутреннее право более динамично, т.к. является воплощением воли одного государства, тогда как принятие и изменение международных правовых норм – это всегда результат согласования воли как минимум двух субъектов.

Поэтому внутреннее право может вступать и вступает в противоречие с международным правом, несмотря на единство правотворческого субъекта. Эти противоречия могут быть как очевидными (например, между правом народов на самоопределение и правом государств на территориальную целостность), так и завуалированными.

Можно согласиться с Н. В. Афончиковой, что «обеспечение реализации права как элемента общей государственно-правовой реальности возможно через снятие (разрешение) противоречия между международным и внутригосударственным правом. Чем сложнее противоречие, тем целесообразнее разрешать его в два этапа – сначала в теоретическом плане, то есть через разрешение антиномии, а затем уже – в общественной практике»¹. Намечившееся единство международного и внутригосударственного права не в меньшей степени нуждается в теоретическом осмыслении.

Соотношение международного и внутригосударственного права традиционно представляет и, можно уверенно прогнозировать, будет представлять инте-

¹Афончикова Н.В. Теоретические аспекты реализации права в свете взаимодействия международного и внутригосударственного права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань. 2008. С. 12. URL: <http://yandex.ru/yandsearch?text=B0%D1%86%D0%B8%D0%B8&clid=47092&lr=54&ex=v11>.

рес для разноаспектных научных исследований. Однако при этом необходимо определенное теоретическое единство: учет и согласованность положений теории государства и права, международно-правовой доктрины и отраслевой науки.

В связи с этим представляется возможным говорить о формировании и интенсивном развитии области научных знаний, которую предлагается называть «межсистемным правоведением». Межсистемное правоведение имеет своим объектом всестороннее комплексное изучение соотношения и взаимодействия международного и внутригосударственного права.

Необходимо для уточнения понятия межсистемного правоведения разграничить его с понятием сравнительного правоведения. Даже в авторитетных научных журналах эта дифференциация не всегда четко проводится. Например, в № 1 журнала «Международное публичное и частное право» за 2008г. под рубрикой «Соотношение международного и внутригосударственного права» опубликована статья Н. К. Рудого «Преступления, посягающие на служебную деятельность и личность представителей власти в уголовном законодательстве стран СНГ» и, наоборот, под рубрикой «Сравнительное правоведение» в № 5 за этот же год статья О. В. Ищенко, Е. Г. Ищенко «Проблемы реализации норм международного права в российском законодательстве», посвященная межсистемно-правоведческой проблематике.

В целях разграничения межсистемного правоведения и сравнительного правоведения целесообразно сопоставить их по нескольким критериям. Приведем некоторые из них.

1. Объект изучения. Сравнительное правоведение (юридическая компаративистика) изучает правовые системы различных государств путем сопоставления одноименных государственных и правовых институтов, их основных принципов и категорий. При этом национальные правовые системы, при всех своих различиях, – это явления одного класса, характеризующиеся сущностной однородностью: одинаковостью предмета регулирования и, соответственно, отраслевой структуры, субъектного состава правоотношений, наличием законодателя и специального аппарата принуждения для обеспечения исполнения правовых норм.

Что касается межсистемного правоповедения, то его объектом является, как было отмечено выше, соотношение и взаимодействие внутригосударственного и международного права. Каждая из национальных систем права качественно иначе сопоставима с системой международного права, нежели с любой другой внутригосударственной системой.

2. Приемы исследования. Основным приемом исследования, которому сравнительное правоповедение обязано своим названием, является именно сравнение. Сравнение определяется как познавательная операция, лежащая в основе суждений о сходстве или различии объектов¹.

В межсистемном правоповедении сравнение также применяется, например, при оценке сопоставимости международного и внутригосударственного права, но этот прием познания не является преобладающим для изучения механизмов взаимодействия двух систем.

3. Способы содействия интернационализации права. Помимо познавательных, сравнительное правоповедение и межсистемное правоповедение имеют практические задачи: обе научные дисциплины способствуют содержательному сближению национальных правовых норм в различных предметных сферах. Для характеристики форм и способов такого сближения представляется возможным использовать понятия гармонизации и унификации права в том значении, в котором они рассматриваются Дмитриевой применительно к международному частному праву. При этом в ходе сравнительного исследования однородных элементов и нормативных комплексов национальных правовых систем, при восприятии положительного правового опыта других стран имеет место так называемая односторонняя гармонизация права. Такая гармонизация характеризуется использованием исключительно национально-правовых средств для заимствования иностранного права в том или ином объеме².

¹ Философский энциклопедический словарь / под ред. Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.Н. Ковалев, В.Г. Панов – М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 623.

² См. Международное частное право: учеб. / отв. ред. Г.К. Дмитриева. – М.: Проспект, 2009. С. 113.

Межсистемное правоповедение уделяет внимание роли международно-правовых механизмов в согласовании правовой политики и сближении законодательства. При этом, безусловно, используются достижения науки сравнительного правоповедения. Использование международных механизмов может происходить в жесткой и мягкой формах. Жесткая форма предполагает достижение соглашения между государствами по поводу единообразного регулирования определенных отношений. Во исполнение принятых на себя международных обязательств государства обязаны обеспечить применение унифицированных норм на своей территории. Такой процесс Г. К. Дмитриева называет унификацией и определяет его как сотрудничество государств, направленное на создание, изменение или прекращение одинаковых правовых норм во внутреннем праве определенного круга государств¹.

Мягкая форма использования международно-правовых механизмов предполагает учет рекомендаций, содержащихся в резолюциях международных организаций, модельных законах и т.п. международных документах, называемых «мягким правом» в силу отсутствия у них качества юридической обязательности. Г. К. Дмитриева называет такой способ содержательного сближения законодательства разных стран взаимной гармонизацией².

Любая наука является системой научных знаний, а система предполагает взаимосогласованность элементов и наличие определенной внутренней структуры. Поэтому необходимо рассмотреть межсистемное правоповедение в этом контексте.

В структуре межсистемного правоповедения можно выделить общую и особенную часть. В общую часть подлежат включению вопросы понятия, предмета и методологии, истории, теории, места и роли межсистемного правоповедения в системе юридической науки и высшего образования, актуальные научные задачи и основные направления исследований, а также зарубежная доктрина в этой сфере.

Представляется необходимым подробнее остановиться на теоретических основах межсистемного правоповедения. Как уже отмечалось, межсистемное пра-

¹ Там же. С. 101.

² Там же. С.113.

ведение – это комплексная дисциплина, которая, будучи продуктом дифференциации правовых знаний, одновременно предполагает их интеграцию. Теория межсистемного правоведения должна опираться не только на правовые исследования, но, в первую очередь, она видится как единство теоретико-правовых, международно-правовых и конституционно-правовых подходов к вопросам взаимодействия двух систем. В целях уяснения роли и значения каждой из составляющих в становлении общих положений формирующейся науки имеет смысл условно структурировать это триединство.

Наиболее общий характер имеет теория государства и права как фундамент всех правовых знаний. Представляется, что межсистемное правоведение должно опираться на исследования об особенностях функционирования государства в международных отношениях, основываться на понятийном аппарате теории государства и права с учетом международно-правовой специфики. Достаточно интересным представляется сопоставление общетеоретических категорий с их международно-правовым пониманием; «жизнь» многих из них в международно-правовой среде не исследовалась.

В качестве положительного примера научной преемственности можно отметить дифференциацию понятий правовая система и система права при толковании положений ч. 4 ст. 15 Конституции РФ учеными-международниками¹. В основе этой дифференциации положено понимание правовой системы как многоаспектной правовой реальности такими теоретиками права, как С. С. Алексеев, А. М. Васильев².

Справедливости ради следует отметить, что на состоявшемся в 1984 г. расширенном заседании Ученого совета Института государства и права АН СССР совместно с преподавателями Свердловского юридического института первый заместитель директора ИГП АН СССР проф. А. М. Васильев указал, что не специалисты

¹ См. например: *Гаврилов В.В.* Понятие национальной и международных правовых систем // Журнал российского права. 2004. № 11. С. 98-112; *Международное право: учеб.* / отв. ред. *Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунов.* – М.: Норма, 2008. С. 137.

² *Алексеев С.С.* Право: Азбука – теория – философия: опыт комплексного исследования. М.: 1999. С. 47.; *Васильев А.М.* О системах советского и международного права // Советское государство и право. 1985. № 1. С. 66.

в области общей теории государства и права, а именно юристы-международники вышли на теоретическое осмысление взаимодействия обеих правовых систем. С этим заседанием обоснованно связывается поворот теории государства и права к международно-правовой проблематике; именно тогда был достигнут консенсус позиций между вузовской и академической наукой по вопросу о необходимости синтеза знаний о государственно-правовой реальности в исследовании проблемы соотношения международного и внутригосударственного права¹.

Таким образом, признавая фундаментальную роль теории государства и права для исследований в области межсистемного правоповедения, можно констатировать, что эта тема в наибольшей степени качественно и количественно отражена в доктрине международного права, в рамках которой уже много лет носит программный характер. Именно в рамках теории международного права исследованы монистическая и дуалистическая теории, как основополагающие исходные позиции по вопросам соотношения двух систем. Далее на основе выбранной позиции происходит дальнейшая дифференциация концепций межсистемного согласования: трансформация, имплементация, инкорпорация, др. Именно в международно-правовой доктрине исследуются такие важнейшие для межсистемного правоповедения вопросы, как механизмы, формы, способы взаимодействия и взаимовлияния правовых систем в различных сферах правовой реальности.

Общий характер по отношению к отраслевому законодательству имеют и конституционные нормы о соотношении международного и внутригосударственного права. В РФ – это, в первую очередь, положения п. 4 ст. 15 Конституции. Научно-обоснованное толкование этой базисной нормы предполагает обязательный учет положений теории государства и права и теории международного права.

Учитывая высокий уровень абстрактности конституционных норм, перед законодателем стояла сложнейшая задача: в предельно сжатой форме впервые в нашей конституционной истории изложить сущностные основы межсистемного соотношения и взаимодействия в РФ. Формулировка п. 4 ст.15 Конституции РФ

¹ См.: *Афоничкина Н.В.* Теоретические аспекты реализации права в свете взаимодействия международного и внутригосударственного права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань. 2008. С. 5.

с юридико-технической точки зрения не безупречна, допускает различные интерпретации. Несмотря на то, что названные конституционные положения дважды, в 1995 и в 2003 гг., становились предметом внимания Верховного Суда РФ, полной ясности соответствующие Постановления Пленумов не внесли¹.

Именно в данном разделе общей части межсистемного правоведения определяется исходная позиция конкретного законодателя по вопросам межсистемного соотношения. В РФ соответствующая конституционная норма сформулирована как дуалистическая, т.е. международное и внутригосударственное право рассматриваются как самостоятельные правовые системы, что не исключает их взаимовлияния и взаимодействия. То есть, нормы международного права, признаваемые и применяемые на территории РФ, сохраняют свою системную принадлежность, не становятся нормами российского права. Сравнительно-правоведческое исследование аналогичных положений зарубежных конституций позволяет выявить и иные подходы. Например, ст. 9 Конституции Украины основана на монистической теории: ратифицированные международные договоры признаются частью законодательства, а не правовой системы Украины². Это так называемый договорный внутригосударственный монизм.

Выбор законодателем соответствующей позиции предопределяет решение следующего важнейшего вопроса межсистемного взаимодействия и, соответственно, межсистемного правоведения, – вопроса об иерархии норм международного и внутригосударственного права. Роль и значение международного права по отношению к внутригосударственному не стоит недооценивать, так и переоценивать. Широко распространено мнение о примате или приоритете международного права над национальным правом. С этим мнением можно согласиться, но с определенными оговорками и уточнениями понятий приори-

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // БВС РФ. 1996. № 2.; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // БВС РФ. 2003. № 12.

² Ведомости Верховной Рады. 1996. № 30. С. 141.

тета (примата) международного права в контексте международных отношений и правовой политики РФ.

Установление абсолютного приоритета международного права, по сути, не соответствует дуалистической позиции нашей Конституции. Как обоснованно указывает В.С. Хижняк, «при дуализме нормы международного права не могут быть выше конституции и применяются только в соответствии с принципами национальной правовой системы и правилами, установленными национальной правовой системой для их применения»¹.

Правильнее, на взгляд автора, говорить об относительном приоритете международного права. Принцип относительного приоритета международного права можно сформулировать следующим образом: приоритет международно-правовых норм над внутригосударственными имеет место в пределах, установленных внутригосударственным правом. Важно четко представлять, что международное право на настоящем этапе не является наднациональным регулятором. Поэтому в силу присущего государству суверенитета ни одна норма международного права не будет иметь силы для данного государства, пока оно не признает ее юридическую обязательность. Принцип относительного приоритета позволяет не допустить формальных противоречий между международным и внутригосударственным правом, однако его применение не исключает существования содержательных межсистемных противоречий.

Помимо дифференциации абсолютного и относительного приоритета представляется возможным в данном разделе межсистемного правоведения говорить о приоритете межгосударственном и внутригосударственном; правотворческом и правоприменительном (коллизионном); приоритете договорном и о приоритете общепризнанных норм международного права.

В других странах подходы к вопросу иерархического соотношения международного и внутригосударственного права весьма разнообразны. Например, в Японии договоры, содержащие общие нормы международного права прева-

¹Хижняк В.С. Реализация международных обязательств России в области прав человека в свете проблемы соотношения международного и внутригосударственного права РФ // Государство и право. 2007. № 8. С.32.

лируют над Конституцией, а нормы двусторонних международных договоров признаются подчиненными ей; в США допускается отмена внутренним законом нормы международного права¹.

Дальнейший анализ положений п. 4 ст.15 Конституции РФ предполагает содержательную конкретизацию названных в статье международно-правовых составляющих российской правовой системы, а именно, общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ.

Очевидно, в перечислении названных составляющих отразилось представление законодателя о структуре системы международного права. В доктрине международного права существуют различные подходы к структурированию этой системы, при этом в Конституции зафиксирован далеко не самый удачный. В литературе справедливо отмечено формально-логическое нарушение, допущенное при построении данного перечня: общепризнанные принципы и нормы – это категории одного класса, а международные договоры – другого². Принципы и нормы – это, собственно, сами правила межгосударственного общения, получившие определенное формальное закрепление в международно-правовых обычаях и международных договорах. Соответственно, международные договоры – это источники закрепления, форма существования принципов и норм международного права. Представляется, что законодатель имел в виду деление международных норм на общие и партикулярные, распространенное в зарубежной доктрине.

Примерно в этом ключе дано толкование международно-правовых понятий, названных в п. 4 ст.15 Конституции в п.п. 1 и 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 г. № 5. Более углубленное исследование и уточнение содержания и значения каждой из названных составных частей международной нормативной системы, особенностей их функционирования

¹ См.: Шумилов В.М. Международное право: Учебник. М.: ТК Велби, 2007. С. 167.

² См.: Понедельченко Н.М. Практика применения суами общей юрисдикции норм международного права в свете Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 года // Международное публичное и частное право. 2004. № 1. С. 34.

внутри государства на основе существующих научно-практических разработок – одна из важнейших задач межсистемного правоуедения.

Особенную часть межсистемного правоуедения составляют отраслевые исследования, отражающие специфику соотношения и взаимодействия норм отдельных отраслей национального права с международно-правовыми нормами. В рамках особенной части целесообразно рассматривать отдельно взаимодействие международного права с отраслями публичного и частного права. При этом предполагается, что особенная часть опирается на положения общей части и развивает их. В идеале мыслится основанное на понятийном единстве, взаимосогласованное становление системы научных знаний в рассматриваемой предметной области.

Реальное положение вещей явно не соответствует этому идеалу. В значительной степени это объясняется отсутствием концептуального единства по многим ключевым вопросам межсистемного взаимодействия в общей части, что является одной из причин содержательной неоднородности отраслевой доктрины (особенной части). Более того, в отраслевых научных исследованиях не всегда учитываются даже относительно устоявшиеся положения международно-правовой науки. Их можно оспаривать, но некорректно игнорировать. Отсутствие комплексного подхода снижает качество научного исследования. Приведем один из многих примеров. Так, содержательная и интересная работа М. В. Скирды¹ проигрывает от того, что автор, полагая, что п. 3 ст. 1 УПК РФ воспроизводит конституционные положения о значении международных норм для внутригосударственного правового регулирования, не дифференцирует тем самым понятия «законодательство» и «правовая система». Между тем, на обоснованном разграничении или не менее обоснованном отождествлении этих понятий, а никак не на их безотчетном смешении, осуществляется необходимый, на наш взгляд, авторский выбор дуалистической или монистической позиции по вопросу о соотношении международного и национального права, исходной для любого исследования в области межсистемного правоуедения.

¹ Скирда М.В. К вопросу о влиянии актов Конгрессов ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию на правовую систему РФ // Российский судья. 2007. № 7. С. 36.

Доктринальная несогласованность является одновременно причиной и следствием содержательной несогласованности норм отраслевого законодательства, посвященных внутригосударственному статусу международного права. Эти нормы не только текстуально, но и по смыслу, отличаются как друг от друга, так и от базовых конституционных положений. Сравнительно-правоведческое исследование этих норм по четко установленным критериям позволит выявить достоинства и недостатки отраслевого подхода к вопросам межсистемной корреляции.

Комплексное понимание процессов межсистемного взаимодействия должно формироваться уже в процессе получения профессионального юридического образования. Это предполагает, как минимум, включение межсистемно-правоведческих разделов, скоординированных с традиционно существующим соответствующим разделом курса международного права, в программы изучения теории государства и права и отраслевых дисциплин, что позволит обеспечить преемственность преподавания этих вопросов. В перспективе, при осуществлении перехода на двухуровневую систему юридического образования, целесообразно в рамках магистратуры изучение межсистемного правоведения в качестве самостоятельной учебной дисциплины.

М.Р. Москаленко, Е.А. Кузнецова

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ И РАЗВИТИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ: ОТ МОНАРХИИ К ПРЕЗИДЕНТСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Проектирование и прогнозирование политического развития общества в целом и тенденций эволюции формы правления государства в частности является одной из важнейших задач всего комплекса социально-политических наук. Модель идеальной формы правления отражается в основных законах страны (в монархии – определенные указы правителя, в республике – консти-